

ЖЕНА ОПОЗНАЛА ДРУГОГО

А.М. Сунгурский

А.М. Сунгурский

Жена опознала другого

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Жена опознала другого / А. Сунгурский — «Автор», 2026

После пяти суток исчезновения Сергей Аверин возвращается домой и видит свою фотографию с чёрной лентой. Накануне жена опознала найденного в Волге мужчину. Но она не ошиблась: Ирина знала, что перед ней другой человек, и всё равно назвала его мужем. Теперь Сергею придётся объяснить, где он был и почему не позвонил. Ирине — рассказать, чего она испугалась больше смерти. А семье настоящего погибшего — узнать, что случилось на берегу, где договаривались о продаже лодки и исчезли чужие деньги. Возвращение Сергея меняет ход расследования. Оно же заставляет близких заново решать, чему в его словах можно верить.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чёрная лента	5
Глава 2. Тот, кого показали	11
Глава 3. Пять суток	17
Глава 4. Человек без фамилии	25
Глава 5. Лидия	31
Глава 6. Оплаченный ремонт	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

А.М. Сунгурский

Жена опознала другого

Глава 1. Чёрная лента

В дверь он попал со второго раза. Ключ был свой, замок тоже, но за пять суток Сергей отвык от маленькой хитрости: сперва потянуть дверь на себя, потом поворачивать. Ирина просила починить ещё зимой. Он говорил, что надо менять коробку, хотя достаточно было подточить ответную планку.

Из квартиры донёсся голос её сестры:

— Ира, это курьер. Ты сиди.

Сергей нажал ручку.

Ольга стояла в прихожей с пустой коробкой из-под обуви. На голове у неё были очки; она всегда поднимала их туда, когда не хотела искать футляр. Увидев Сергея, Ольга отступила к стене. Коробку она не уронила, а медленно опустила на пол, как будто внутри лежало что-нибудь хрупкое.

— Ты откуда?

Он хотел ответить «от Генки», но понял, что спрашивают не об этом.

— Оля, я живой.

Она закрыла рот ладонью. Между пальцами застряла полоска прозрачного скотча.

Сергей вошёл, поставил у тумбы пакет со своей одеждой и закрыл дверь. Чужая резинка спортивных брюк давила на живот. Геннадий был ниже его и гораздо шире; в машине он ещё раз предложил заехать куда-нибудь за нормальными штанами. Сергей отказался. Когда услышал вчера, что его нашли, стало не до штанов.

— Ира! — сказала Ольга.

Это вышло негромко. Сестра не услышала, и Ольга повторила так, что в дальней комнате что-то стукнуло.

Ирина появилась без тапочек. На ней были джинсы и серая футболка, в которой она красила стены на даче. В правой руке она держала телефон. Сначала посмотрела на его лицо, потом ниже, на расстёгнутую куртку Геннадия, на брюки, на пакет.

Сергей шагнул к ней.

— Ир.

Она сунула телефон в задний карман джинсов и вцепилась в оба его предплечья. Не обняла: взяла крепко, как берут человека у края, и разглядывала вблизи, не поднимая подбородка. На переносице у неё была свежая царапина. Сергей успел подумать, что она опять почесалась рукой, на которой кольцо, и эта нелепая привычная мысль вдруг сделала возвращение настоящим.

— Я, — сказал он. — Это я.

Ирина дёрнула его к себе. Лицо её оказалось у него под ключицей. Он обнял жену, почувствовал под ладонью лопатки и лишь тогда понял, насколько боялся, что она оттолкнёт. Справа под рёбрами кольнуло. Он не переменил руки.

Она плакала без звука. Ольга уже плакала в голос и пыталась кому-то звонить, но не могла снять скотч с пальцев: он прилипал то к телефону, то к рукаву.

— Нике, — проговорила Ирина ему в грудь. — Сначала Нике.

— Сейчас. Я позвоню.

— Моим. Вот.

Она достала телефон из кармана и отдала ему, но не отступила. Сергей смотрел на светящийся экран поверх её плеча. Вверху стояло двадцать семь августа. Среда. День, который за городом казался ему ещё одним днём, здесь уже был чем-то заполнен, назначен, прожит другими людьми.

Он нашёл дочь в избранных. Ника ответила почти сразу:

— Мам, я сдала смену, сейчас доеду за сумкой. Всё, не начинай, я уже решила.

— Никуш.

В трубке стало тихо. Потом он услышал частое короткое дыхание.

— Это папа.

— Кто?

— Папа. Я дома. Со мной всё нормально.

Ирина подняла на него голову.

— Живой, — поправил он себя. — Я живой, Ника.

— Дай маму.

Он отдал телефон. Ирина сказала: «Да. Да, он тут», — и дочь закричала. Сергей слышал слова, но не мог собрать их в предложение. Ольга принесла с кухни стакан воды, сунула ему в руку и вдруг ударила по плечу. Несильно, раскрытой ладонью.

— Скотина ты.

— Оля.

— Молчи. Пей.

Он сделал глоток. Вода была тёплая, с привкусом чайника. Ольга держала его за рукав, словно он мог выйти, пока она отвернётся.

— Где ты был?

— У Геннадия.

Она перестала плакать.

— У какого Геннадия?

— Серова. Под Тутаевом.

— Все эти дни?

Сергей посмотрел на Ирину. Та слушала дочь и не спускала с него глаз.

— Не здесь, Оль. Потом.

— Что потом? Мы тебя...

Она запнулась и повернулась к комнате.

На обеденном столе лежало белое полотенце. На нём — рамка со стеклом, разобранная задняя стенка, ножницы и катушка чёрной ленты. Его фотографию уже вставили. Сергей узнал снимок: Ника сделала его в прошлом году на набережной, в день, когда они втроём гуляли после её приезда. Он стоял боком, солнце попадало в левый глаз. В кадре были ещё Ирина и кусок голубого велосипеда, но их отрезали. Теперь он один улыбался чему-то за пределами рамки, а по нижнему углу шла траурная полоса.

Ольга проследила за его взглядом.

— Я говорила другой взять. Где ты прямо.

Она произнесла это с прежней, хозяйственной досадой и сразу зажала рот. Сергей поставил стакан на тумбу. На мгновение ему захотелось засмеяться: всё оказалось слишком аккуратным. Не могло быть, чтобы пока он сидел у Геннадия на веранде и ждал вечера, сестра жены выбирала, с какого боку ему лучше смотреть на собственные похороны.

Но он ведь знал. Вчера Геннадий показал сообщение, пересланное ему общим знакомым: фотография, фамилия, просьба не беспокоить семью звонками. «О времени прощания сообщим дополнительно». Сергей прочёл два раза. В первый проверил дату, во второй — действительно ли написано его имя.

Тогда он попросил отвезти его домой. Геннадий сказал: «Сейчас ты сперва позвонишь». Сергей взял протянутый телефон, набрал половину номера Ирины и стёр. Ему стало страшно услышать её голос без возможности дотронуться до неё. Он сказал, что объяснит всё лично. Геннадий выругался и пошёл за ключами; потом вернулся, потому что Сергей стоял на ступеньке согнувшись и не мог вдохнуть. Они выехали утром. Ночью Сергей так и не позвонил.

Теперь эта последняя ночь лежала между ним и женой рядом с остальными.

— Она едет, — сказала Ирина. — Всё равно едет.

— Пусть. Конечно.

— Не надо разрешать. Она не спрашивала.

Ирина ушла на кухню. Он сделал шаг следом, но Ольга преградила дорогу.

— У тебя кровь?

Сергей взглянул вниз. На манжете чужой куртки темнело пятно от грунтошки.

— Нет. Это Генкина.

— А лицо?

Он потёр щёку. Ссадина у скулы уже стянулась и зудела. В зеркале прихожей она выглядела хуже, чем у Геннадия в ванной: жёлтый край, коричневый сухой след. Неужели Ирина сразу этого не увидела? Или увидела всё и пока выбирала, о чём спросить?

— Я упал.

Ольга открыла рот.

— Оля, пожалуйста.

Она убрала руку.

Сергей забрал стакан с тумбы и прошёл на кухню. Ирина стояла у мойки. Вода текла в пустую чашку, давно переполнив её. Он поставил стакан на столешницу и перекрыл кран. Жена посмотрела на его пальцы. На левой кисти, между большим и указательным, белел старый неровный ожог: горячая труба, ещё с первой работы, двадцать с лишним лет назад. Кожа намокла от крана и стала блестящей.

Ирина обхватила его кисть обеими руками.

— Где твоя обручалка?

— В мастерской. В ящике. Я же снимаю.

— Знаю.

Она отпустила его.

Он хотел спросить, кого они собирались хоронить. Вопрос уже находился во рту, тяжёлый, неловкий. Но жена выглядела так, будто ответ на него причинит боль, и Сергей опять выбрал отсрочку.

— Ты ела?

— Да.

— Я могу...

— Не можешь.

Из комнаты позвонил ещё один телефон. Ольга ответила: «Да. Нет, не надо пока. Он нашёлся». После паузы она добавила громче: «Сам нашёлся. Я не знаю!»

Ирина села за кухонный стол. Сергей остался стоять. На её месте у окна лежал раскрытый блокнот, где обычно были имена клиенток и время стрижек. Теперь на странице были суммы, фамилия мужчины с пометкой «перезвонить» и три раза обведённое слово «документы». Он увидел своё имя в списке вещей: «Серёжина рубашка». Под ним — «брюки проверить».

Она заметила, куда он смотрит, и закрыла блокнот.

— Где твой телефон?

— В воде. Наверное. Я потерял, когда выбрался.

— А у Геннадия?

— Есть.

— Работает?

— Работает, Ир.

— Значит, это ты не работал.

Он сел напротив. Стул задел больное место, и он невольно повернулся боком.

— Что с тобой?

— Ребро. Или ушиб. Не знаю.

— Врач смотрел?

— Нет.

Она кивнула, как будто иного ответа не ждала.

В прихожей раздался звонок. Ольга открыла не сразу. Сергей услышал незнакомый мужской голос и слова «по фотографии». Потом сестра появилась в кухне с бумажным конвертом. За её спиной в дверях стоял молодой человек с большой плоской сумкой.

— Допечатали, — сказала Ольга.

Курьер посмотрел на Сергея, потом на Ирину. Из открытого края конверта виднелась та же улыбка.

— У вас оплачено, — поспешно сказал он. — Я только привёз.

— Спасибо, — ответила Ирина.

Ольга увела его к двери. Он что-то неловко пожелал и вышел.

Сергей протянул руку к конверту. Ирина подвинула его к стене.

— Не трогай пока.

— Зачем это всё?

Она посмотрела на него.

— Что?

— Я понимаю, зачем. Я хотел сказать... Кто вам сказал, что я умер?

— Мне позвонили.

— Из полиции?

— Сначала из полиции.

— Они нашли человека?

— Да.

Сергей провёл ладонями по коленям. Ткань спортивных брюк скользила под пальцами.

— В Волге?

— Да.

— Где?

— Ниже той площадки. Я не знаю точно.

Он больше не мог смотреть на неё. Перед ним возникло чёрное ребро понтона, вода вровень с глазами, желтоватая полоса света из открытой двери. Человека на площадке он тогда не разглядел. Второго — тоже. Он помнил звук, как будто на мокрые доски бросили тяжёлый мешок, и холодный металлический край под пальцами.

Алексей. Конечно, это мог быть Алексей.

Сергей поднялся. Стул проехал по плитке.

— Ты куда?

— Никуда.

Он взял со столешницы стакан, переставил к мойке. Ирина наблюдала за ним. За эти дни она, должно быть, много раз сидела так, глядя, как другие люди делают в её кухне ненужные вещи.

Ольга вернулась с полотенцем и рамкой. Чёрную ленту она уже сняла. Под нижним углом стекла оставался кусочек скотча.

— Я это уберу, — сказала она. — И всем напишу. Ты сам можешь своей сестре позвонить?

— Да.

— Не сейчас когда-нибудь. Сейчас.

— Оль, — вмешалась Ирина. — Дай нам десять минут.

Сестра сжала рамку под мышкой. Сергей видел, что она не хочет уходить. Она боялась оставить Ирину с ним или его с Ириной; наверное, и того и другого.

— Я внизу буду. Мне надо подышать.

— Хорошо.

— Дверь не запирайте.

Ольга отнесла рамку в комнату, вернулась за сумкой, потом за телефоном. Наконец дверь хлопнула. Ирина сидела, положив руки на закрытый блокнот. Сергей заметил чёрные полукружья под её ногтями. Обычная краска для волос. В пятницу она собиралась принять позднюю клиентку, и он обещал привезти продукты, чтобы ей не идти вечером в магазин.

— Ты его видела? — спросил он.

— Видела.

— Лицо?

Она кивнула.

— Вчера?

— Вчера.

— Ир, но как...

Он сел. Теперь ему было легче смотреть на неё: существовал вопрос, на который она должна ответить. Не он. Впервые с момента возвращения ему дали право чего-то не понимать.

— Там была моя куртка?

— Синяя. С ободранной кнопкой.

Он закрыл глаза. Алексей жаловался, что на воде продувает, хотя днём было солнце. Сергей сказал: «Бери, у меня под ней свитер». Куртка висела на спинке складного стула. Алексей сунул в карманы руки, посмотрел, как она сидит, и спросил, не требуется ли платить за прокат.

— Я дал её человеку, — сказал Сергей. — В пятницу. Мы вместе лодку смотрели.

— Как его звали?

— Алексей. Трушин. Ты... Они тебе имя называли?

— Нет.

Она открыла блокнот на чистой странице и взяла ручку. Сергей с ужасом увидел, что жена собирается записать имя человека, которого уже назвала своим мужем.

— Трушин, — повторила она. — Через «у»?

— Да.

Она записала.

— Ир, ты точно его видела? Не фотографию?

— Не фотографию.

— И сказала, что это я?

— Сказала.

Он смотрел на буквы, появившиеся под её рукой. Алексей Трушин. Ирина перечеркнула слишком длинную палочку у «т», хотя это ничего не меняло.

Сергей заговорил быстрее:

— Ты же могла не узнать. Там вода, лицо... Я понимаю. Тебе показали мою одежду, сказали, где нашли. Ты уже не спала сколько. Можно ошибиться. Кто угодно ошибётся.

Ирина положила ручку.

— Я не ошиблась.

Сергей не сразу понял. Он продолжал смотреть на имя, как будто речь шла о нём: она не ошиблась, записала правильно.

— Что?

— Я знала, что это не ты.

Ему захотелось отодвинуться от стола. Он даже взялся за края сиденья, но ноги остались на месте.

— Когда знала?

— Когда стояла там. Когда меня спросили.

За окном заработал мусоровоз. Металл грохнул о металл, потом несколько раз пискнула машина. Этот звук Сергей слышал из кухни годами, не замечая. Теперь он ждал, когда мусоровоз уедет, будто после этого жена сможет договорить.

Ирина подняла левую руку, показала место между большим и указательным пальцами.

— У него здесь всё было ровное. И ноготь другой. Я твои руки вижу двадцать пять лет, Серёжа.

Он посмотрел на собственную кисть. На ожог, на треснувший ноготь, на маленький шрам от жестяной кромки. Все эти приметы были при нём. Они никуда не пропали, пока он прятался.

— Тогда зачем?

Она взяла телефон. Пальцы дрожали, и с первого раза экран не разблокировался.

— Потому что ты мне не позвонил, — сказала Ирина. — И я поверила, что тебя держат у них.

Глава 2. Тот, кого показали

На экране он был целый. Ни ссадины, ни синяка под правым глазом; свитер распахнут у шеи, волосы примяты кепкой, которую он уже снял. Он вытирал руки и говорил:

— На холостых послушали, теперь надо пройти. На берегу я вам ничего не подпишу.

Изображение качнулось. За кадром Алексей спросил: «Всё снял? Всё». Запись оборвалась.

Сергей сам нажал повтор. Мимо его локтя на экране прошёл человек, от которого в кадре остались тёмный рукав и часть живота. Руки Сергей вытирал своей красной тряпкой. Он выбросил её ещё до вечера в мусорную бочку: Алексей уронил её в лужу возле стойки, когда освобождал место для сумки.

— Это пятница, — сказал Сергей. — Днём. Мы только собирались выходить.

— Теперь я знаю.

— Он сам снимал. Алексей. Хотел хозяйке отправить, что приехал не зря. Это ещё до...

Он остановился. Ирина не торопила.

— До воды, — закончил он. — До того, что вечером было.

Она забрала телефон и открыла переписку. Вверху вместо имени было одно слово: «Река». Картинки на заставке не было. Под роликом стояло: «Ваш муж жив. Ждите звонка». Время — понедельник, шестнадцать часов семнадцать минут.

— Мне до этого звонили из полиции, — сказала Ирина. — Сказали, нашли мужчину. По одежде похож, по возрасту. Надо приехать. Я спросила: точно он? Они сказали, по телефону этого не решают.

Сергей прочёл сообщение ещё раз.

— А этот откуда узнал твой номер?

— Мой номер висел в объявлении. На половине Ярославля, кажется. Оля всем разослала. И в Тутаеве тоже. Там было написано, во что ты одет. Что не выходишь на связь с пятницы.

— У нас же с Генкой...

Он замолчал, не успев договорить. Хотел сказать, что у них не было этих объявлений, что Геннадий не сидит в городских группах. Ирина смотрела на него без вопроса. Сейчас ни ей, ни ему не требовалось выяснять, по какой причине сообщение не дошло до человека, которому каждый вечер клали рядом работающий телефон.

— Потом позвонил мужчина, — продолжила она. — С другого номера. Обычный звонок. Я сначала решила, волонтёр. Он спросил, видела ли я видео. Я сказала, видела. Он говорит: «Тогда слушайте внимательно».

Она сжала телефон так, что костяшки побелели.

— Что ещё?

— Что ты у них. Что с тобой пока всё нормально. Надо сделать одну вещь, и тебя отпустят.

— Назвать того человека мной?

Ирина кивнула.

— Какими словами он сказал?

Она посмотрела на него с внезапной злостью.

— Я не протокол вела, Серёжа.

— Я понимаю. Но что он хотел? Чтобы перестали искать меня? Или чтобы выдали тело? Ты что-то должна была получить?

— Ничего я не должна была получить. Кроме тебя.

Сергей отвёл глаза.

— Он сказал, пусть того хоронят. Иначе будут хоронить моего. Спросил, когда я поеду. Я сказала, во вторник. Он сказал, после всё узнает. Если расскажу кому-нибудь — тоже.

— Ты попросила дать мне трубку?

— Попросила.

— И?

— Он положил. Потом написал, что второй раз объяснять не будет.

Она показала экран. Сообщение было там, короткое и без ошибок. Под ним Ирина написала: «Дайте поговорить с мужем». Ответа не было.

— Я звонила на тот номер. Сначала шли гудки. Потом выключен.

Сергей потянулся к телефону. Жена убрала его к себе.

— Не надо туда звонить.

— Я не собирался.

Он собирался. Хотел услышать голос, узнать его, сказать человеку несколько простых слов. Это намерение прожило всего секунду, но Ирина заметила.

— Они ещё писали?

— Вчера. После того, как я вернулась.

Следующее сообщение было отправлено в четырнадцать сорок восемь: «Не меняйте ничего. С вами свяжутся».

Сергей прочёл его, стоя за спинкой её стула. Он не помнил, когда поднялся. Ирина развернула телефон так, чтобы ему было удобнее, и в этом привычном движении оказалось больше доверия, чем он сейчас заслуживал.

— Как они узнали, что ты вернулась?

— Не знаю.

— Ты им написала?

— Да.

Она прокрутила чуть выше. Между вчерашним молчанием и ответом было её сообщение: «Я сделала. Теперь пустите его».

Сергей вернулся на свой стул. Мысль о человеке под окнами, уже успевшая его напугать, оказалась его собственной мыслью. Пока никто не стоял внизу и не следил за квартирой — по крайней мере, они этого не знали. Зато Ирина просила отпустить его, когда он лежал на Генкином диване и слушал, как сосед за забором заводит триммер.

— Они прислали что-нибудь ещё? Моё? Фотографию?

— Нет.

— Значит, кроме этого видео...

— Не говори сейчас «значит».

Он замолчал.

— Я знаю, что надо было понять. Что ролик мог быть старый. Что ты мог быть где угодно. Сейчас знаю. Ты сидишь напротив, можешь мне всё объяснить. А в понедельник у меня было вот это.

Она повернула телефон экраном вверх и положила на стол.

— Я не собирался тебя учить.

— Ты уже начал.

Из прихожей раздался осторожный стук. Ольга открыла незапертую дверь и позвала сестру. У неё в руках была бутылка воды; она отпила из неё и забыла закрыть крышку.

— Снизу спрашивают. Мария Тимофеевна тебя видела. Я сказала, не подниматься.

— Спасибо, — ответил Сергей.

— Не за что пока. Нина звонила. Я сказала, ты сам наберёшь.

Его сестра жила в Рыбинске. В субботу она наверняка объездила всех, кого помнила, потом позвонила тем, с кем не разговаривала годами. Нина плохо ходила после операции на колене, но о чужих болезнях знала только одно: человеку необходимо что-нибудь отвезти.

— Дай телефон, Оль.

— А где твой?

— Потом расскажу. Дай, пожалуйста.

Нина ответила на первом гудке. Сначала ругалась, потом плакала, потом потребовала позвать Ирину. Он сказал, что та рядом, и сестра попросила подтвердить, что он действительно стоит у себя на кухне. Ирина подтвердила.

— Я приеду, — сказала Нина.

— Не надо сегодня.

— Ты мне не указывай.

— Нин, мы сейчас поедem в полицию. И к врачу. Дома никого не будет. Я вечером позвоню.

Она помолчала.

— Во сколько?

— В восемь.

— Я записала. В восемь.

Он вернул телефон Ольге и впервые увидел, что у той тоже опухли веки. Всё утро она ходила, отвечала людям, таскала вещи, и он принимал это за её обычный шумный характер.

— Оль, там был другой человек, — сказал Сергей. — В моей куртке. Я должен сообщить.

— Конечно, должен. Ира, у тебя номер есть?

Ирина не ответила. Она смотрела на мужа, и он понял, чего она ждёт: сделает ли он за неё удобный выбор. Скажет, что она ошиблась, испугалась, перепутала, а теперь они вместе всё поправят.

— Есть номер, — сказала она сама. — Только я не перепутала. Мне угрожали. Я знала, что это другой.

Ольга опустилась на свободный стул.

Сергей объяснил про видео и звонок, но сестра жены слушала не его. Она смотрела на Ирину, всё ещё держа бутылку без крышки.

— Ты мне ничего не сказала.

— Он велел никому.

— Я рядом спала. На полу, Ира. Ты же всю ночь не спала, и я с тобой. Могла хоть...

Ольга замолчала. Сергей видел, как она ищет продолжение, которое не будет обвинением. Не нашла.

Ирина набрала номер из блокнота. Назвала себя, выслушала ответ и сказала:

— Сергей дома. Мой муж. Да, живой. Он сам пришёл. И я должна сказать о вчерашнем. Это не он был. Я знала... Нет, я не ошиблась. Я должна объяснить.

Сергей слышал только её половину разговора. Потом она включила громкую связь, предупредив собеседника.

— Сергей Викторович, меня зовут Евгений Андреевич Лавров. Вы сейчас по адресу проживания?

— Да.

— Документ при вас?

— Паспорт здесь. Дома лежал.

— Есть повреждения? Нужна помощь?

Он посмотрел на Ирину.

— Болит бок. С пятницы. И лицо разбил.

— За медицинской помощью обращались?

— Нет.

Лавров попросил коротко, без подробностей, сказать, где Сергей находился. Тот назвал Геннадия и правобережный Тутаев. Адрес дома знал не полностью: заезд помнил, улицу —

нет. Это прозвучало жалко. Человек мог прожить в доме пять ночей и не знать его адреса, но Сергею показалось, что уже на этом месте ему перестали верить.

Лавров попросил номер Серова. Сергей продиктовал по памяти; на последней цифре засомневался, и Ольга нашла контакт через общего знакомого. Номер совпал.

— Телефон Ирины Павловны не очищайте, переписку не удаляйте, — сказал Лавров. — На сообщения ничего не отвечайте. Если ещё будут звонить или писать, сразу сообщите. К вам сейчас подъедут. И с повреждениями нужно обратиться к врачу.

— Нам лучше самим приехать, — сказал Сергей.

— Сейчас оставайтесь дома.

Он произнёс это без угрозы. Сергей всё равно ощутил, как квартира из места возвращения превращается в место ожидания.

Ирина выключила громкую связь, спросила ещё что-то о вчерашнем протоколе. Потом долго слушала.

— Нет, я понимаю. Я хочу это записать. Сегодня.

Когда она закончила, Ольга достала из сумки очки.

— У Лены муж адвокат. Я найду номер. Сначала поговоришь с ним.

— Я уже сказала, — ответила Ирина.

— Я слышала. Теперь поговоришь.

Сергей хотел вмешаться, но Ольга повернулась к нему:

— А ты переоденься. И поешь хоть что-нибудь, если врач не запретил. У тебя брюки на животе висят.

Он пошёл в спальню. На кровати лежал его тёмный костюм. Рубашку Ирина погладила; рукава были заправлены внутрь, чтобы не мялись. На стуле стояли туфли, которыми он пользовался два раза в год. Сергей снял куртку Геннадия, повесил на спинку и остался перед костюмом в чужой растянутой футболке.

Ирина вошла следом. Увидела, на что он смотрит, и взяла рубашку.

— Я уберу.

— Не надо. Я сам.

— Ты даже в шкаф её криво вешаешь.

Она произнесла это машинально, зацепила плечики и лишь потом поняла, что делает. Повесила рубашку, закрыла дверцу.

— Тело вам уже... — начал Сергей.

— Нет. Его ещё не выдавали. Я ничего не получила. Ни свидетельства, ничего. Только подписала там.

— А костюм?

— Сказали подготовить одежду. Я подготовила.

Он кивнул. Ему хотелось спросить, собиралась ли она действительно отдать его рубашку чужому мёртвому человеку. Но жена стояла в той же серой футболке, в которой утром радовалась, что он жив, и этот вопрос пришлось оставить при себе. Не потому, что он был жестоким. Потому, что Сергей знал ответ: она собиралась сделать всё, что ей скажут, пока её муж молчит.

Он достал джинсы, сел на край кровати и стал переодеваться. Наклониться за штаниной не смог. Ирина присела, помогла просунуть ногу. Он положил руку ей на плечо.

— Ир.

— Не двигайся.

Она натянула штанину до колена, поднялась, отвернулась к окну. Сергей медленно встал и застегнул ремень на дырку свободнее обычного. Вместо чужой футболки надел свою клетчатую рубашку.

Сотрудники приехали минут через сорок. Один представился участковым, второго Сергей прежде не видел. Они проверили паспорт, спросили, когда он вошёл в квартиру, кто при-

вёз, где вещи, в которых он был в пятницу. Пакет всё ещё стоял у тумбы. В нём лежали высохшие джинсы, свитер, бельё и ботинки с разошедшимся швом у подошвы. Геннадий предлагал их выстирать. Сергей сказал: «Не трогай, я сам», — и больше ими не занимался. Утром просто снял с верёвки и сложил в пакет.

Участковый услышал про боль при вдохе и велел не откладывать врача. Ирина вызвала такси. По дороге в приёмное отделение она сидела рядом, но смотрела в окно. Между ними лежала сумка с паспортами и телефоном, который ей теперь хотелось держать одновременно подальше от себя и на виду.

Врач был моложе Ники, как показалось Сергею сначала. Потом тот поднял глаза поверх оправы, и Сергей увидел усталость, от которой возраст переставал быть важным.

— В пятницу получили травму. Сегодня среда. Что изменилось?

— Домой вернулся.

— Я спрашиваю про боль.

Сергей рассказал про удар, воду и вчерашний приступ на ступеньках. Врач попросил раздеться, осмотрел бок, послушал дыхание. Ссадину на щеке тронул краем перчатки.

— Это тоже тогда?

— Да.

— Потеря сознания была?

— Не было.

— Головокружение, тошнота?

— В первую ночь. Когда согрелся.

Врач записал, задал ещё вопросы. Сергей отвечал коротко. Здесь не требовалось объяснять, почему он не позвонил жене; требовалось сказать, на какой стороне больнее лежать. Это было почти облегчением, пока врач не спросил, кто его ударил.

— Не видел.

Тот поднял голову.

— Совсем не видели или не хотите сообщать?

— Я видел человека. Лица не видел. Там тесно, свет за ним был.

Врач снова стал писать.

После снимков пришлось ждать. Ирина сходила за водой и села рядом на пластиковую скамью. Ольга звонила дважды: сначала передать номер адвоката, потом спросить, что сказать клиентке, пришедшей к закрытому салону. Ирина продиктовала ответ и замолчала на полуслове.

— Какая клиентка?

Сергей услышал голос Ольги из телефона, но слов не разобрал.

— Я её на сегодня отменила. Ещё вчера. Посмотри блокнот... Да, вот этот номер. Позвони сама, пожалуйста.

Она убрала телефон.

— Всё перепутала, — сказала она.

— Бывает.

— Не говори «бывает», Серёжа. Я сегодня должна была выбирать гроб. Это не бывает.

Он положил руки на колени. Левая кисть с ожогом лежала сверху. Ирина посмотрела на неё и отвернулась.

Врач сказал, что признаков повреждения лёгкого сейчас не видят; выявленный перелом ребра без смещения объясняет боль. Он подробно проговорил, при каких изменениях нужно немедленно обращаться снова, выдал назначения и велел не изображать здорового. Сергей кивал. Ирина попросила повторить одно из указаний и записала в телефон. Уже на выходе она протянула ему бумагу:

— Это твоё. Сам следи.

Он сложил лист, положил в нагрудный карман рубашки. Ему стало стыдно, что он ожидал другого: она заберёт назначения, купит лекарства, будет напоминать, как обычно.

Лавров перезвонил, когда они вышли на улицу. Узнав, что осмотр закончен, назвал адрес, куда подъехать. Сергей спросил, можно ли сначала доехать до мастерской.

— Зачем?

— Там человек работает. Наверное, думает, что я умер.

— Позвоните ему. Потом приедете к нам.

Сергей попросил у жены телефон и дозвонился до Ольги: она записывала номер Глеба, когда разыскивала его. Сам он помнил первые семь цифр и никак не мог восстановить последние. Пока сестра жены искала, Ирина стояла в двух шагах и не смотрела на него. Наконец Ольга прислала номер, и Сергей набрал его.

Глеб ответил не сразу.

— Сергей Викторович?

— Да. Я живой, Глеб. Оля не написала ещё?

— Написала. Я подумал, это... Не знаю, что я подумал.

Из трубки донёсся удар металла о бетон, потом ругань. Глеб отошёл куда-то в более тихое место.

— Вы где были?

— Объясню. Сегодня не приеду. Ты там закрой как обычно.

— Тут приходили. В понедельник. Про лодку Иволгина спрашивали. Я им всё показал.

Сергей прикрыл глаза.

— Что показал?

— Работу. То, что делали. А что надо было?

— Всё правильно.

— Сергей Викторович, я им сказал, что мотор не разбирали.

Сергей посмотрел на жену. Она не слышала Глеба: на дороге рядом остановился автобус, шипя дверями. Он мог отойти ещё дальше, понизить голос, сказать работнику, чтобы тот пока ни с кем не разговаривал.

— Правильно сказал, — ответил он. — Не разбирали.

— А в бумаге у вас написано.

— Знаю.

Глеб ничего не ответил. Впервые за четыре года работы он не помог Сергею закончить разговор.

— Я сам объясню, — сказал Сергей и отключился.

Ирина повернулась к нему.

— Что?

— Там была ведомость ремонта. Я вписал то, чего мы не делали. Алексей узнал в пятницу. Перед тем как всё случилось.

Жена долго смотрела на него. Потом подняла руку, останавливая подъехавшее такси.

— Тогда рассказывай с этого, — сказала она.

Глава 3. Пять суток

Лавров оказался невысоким мужчиной в рубашке с закатанными рукавами. На столе перед ним лежали два телефона, один обычный кнопочный; когда Сергей вошёл, следователь переставил их с папки на подоконник. Никаких фотографий погибшего на столе не было. Сергей обрадовался этому и сразу понял, что следователь заметил, куда он смотрит.

Ирину пригласили в другой кабинет. Она успела поговорить с адвокатом по телефону; тот обещал подъехать. Сергей спросил, нужен ли адвокат и ему. Лавров ответил, что он вправе пригласить своего, и предложил сначала решить этот вопрос. Тогда Сергей позвонил по номеру, который дала Ольга. Мужчина на другом конце выслушал короткое объяснение, задал несколько неприятно точных вопросов о ведомости ремонта и сказал, что сам займётся Ириной, а к Сергею приедет коллега. «У вас обстоятельства могут не совпасть», — пояснил он. Сергей подумал, что они уже давно не совпадают, просто раньше не требовали двух людей с удостоверениями.

Ждать пришлось почти час. Из коридора он слышал, как жена отвечает на вопросы, но не мог разобрать слова. Дважды хотел выйти, потом остался. На листке, который дал Лавров, Сергей написал фамилии всех, кого помнил на площадке, и сам увидел, как мало их получилось.

Адвоката звали Артём Денисович. Он был примерно ровесником Сергея, в светлой рубашке и старых мокасынах. Сумку поставил на пол, сел рядом и попросил немного времени поговорить без следователя. Лавров вышел.

— Рассказывайте без попытки сделать красивее, — сказал Артём Денисович. — Мне сначала нужно понять, о чём вы знаете сами.

Сергей рассказал о бумаге на сто девяносто восемь тысяч, о пятнице, о воде. Адвокат не стал уверять, что всё понятно и бояться нечего. Он спросил, давал ли Сергей кому-нибудь деньги за молчание. Сергей сказал, что нет.

— А просили молчать?

— Генку. Про то, что я у него.

Артём Денисович подвинул к нему стакан с водой.

Когда Лавров вернулся, были формальности, разъяснения, подписи. Сергей слушал внимательно, но всё равно пропустил собственное отчество и попросил повторить. Следователь повторил без раздражения. Затем включил настольную лампу, хотя за окном было светло, и попросил начать с утра пятницы.

— С ремонта сначала, — сказал Сергей.

— Хорошо. С ремонта.

Лодку привёз Стас Иволгин в начале августа. Небольшая каюта, подвесной мотор, выгребная полоса вдоль борта. Иволгин держал её на частной площадке ниже правобережной части Тутаева, где у знакомого можно было оставлять технику и спускать её на воду. Сам чаще жил в Ярославле. Хотел продать до конца сезона: говорил, в октябре за ту же лодку дадут меньше, а хранение денег не приносит.

Сергей нашёл неисправности в подаче топлива и охлаждении. На серьёзную переборку мотора оснований не было. Глеб сделал большую часть обычной работы; Сергей проверил, запустил, согласовал выезд на воду. Но в ведомость включил разборку с заменой деталей, которых не покупал и не менял.

— Зачем? — спросил Лавров.

— Деньги нужны были.

— На что?

— Аренда. Долг. За два месяца. И ещё один платёж.

— Какой?

Сергей назвал кредит. Не на мастерскую, личный. Когда брал, хотел закрыть поставщика и вернуть всё за лето. Лето прошло хуже, чем он показывал Ирине. Ей он говорил, что у них есть запас, можно наконец сделать ремонт в ванной и не считать каждую коробку плитки.

— Сколько стоила выполненная работа? — спросил Лавров.

— С деталями пятьдесят восемь. Мы с Глебом считали.

— Разница — сто сорок?

— Да.

Артём Денисович ничего не сказал. Сергей был благодарен ему за молчание: сейчас любое замечание показалось бы попыткой отнять назад уже произнесённое.

Иволгин оплатил счёт. Покупательнице, Валерии Кречетовой, показал бумагу как подтверждение ремонта. От неё приезжал Алексей Трушин: Сергей встречался с ним в мастерской дважды. Алексей не разбирался в моторах так, как хотел выглядеть, но умел задавать короткие вопросы и записывал ответы. Иногда это раздражало Сергея сильнее, чем настоящая техническая грамотность.

В пятницу они поехали к лодке на машине Иволгина. Сергей оставил свой старый фургон у мастерской: барахлило сцепление, да и в одной машине было проще. Взял инструментальный ящик, приборы, синюю куртку. Паспорт остался дома; водительское удостоверение и банковская карта были в бумажнике, во внутреннем кармане свитера.

— Бумажник у вас?

— Да. У Геннадия сушил. Сейчас дома, в пакете с вещами. Я утром только ключи и карту забрал.

Лавров сделал пометку.

Они приехали после двух. Трушин уже стоял у ворот рядом со своей серой машиной. С ним был перевозчик Павел Рубежов — человек, которого Сергей знал лет семь, без близости. Рубежов возил лодки, моторы, тяжёлые ящики, иногда доставлял технику в мастерскую. У него был бортовой грузовик с тентом и ещё одна машина поменьше. За опоздание он брал деньги легко, за своё извиняться не любил.

— Рубежов зачем там был?

— Забирал металлическую опору. На ней раньше лодка стояла на берегу. Стас продавал отдельно. Договорился, чтобы вечером вывезли.

— Кому продавал?

— Не знаю. Павлу или через Павла.

— Вечером вывезли?

— Я не видел.

Лавров обвёл что-то в своих записях. Сергей постарался не смотреть.

Днём было солнце, но ветер с воды оказался холоднее, чем во дворе. Алексей приехал в тонкой куртке, оставил её в машине, потом вернулся к берегу в одной рубашке и стал поёжиться. Сергей бросил ему свою синюю: под ней был тёплый свитер, для работы хватало. Алексей пошутил о прокате и так в ней и остался.

Они открыли мотор, проверили крепления и шланги. Пока Сергей вытирал руки, Трушин снимал видео для Кречетовой. Иволгин стоял рядом; Рубежов то подходил, то уходил к своему грузовику. Сергей не следил, кто именно попал в кадр.

— Денег тогда вы не видели?

— Не видел купюр. Сумка была.

— Какая?

— Чёрная, через плечо. Небольшая. Он с ней приехал. Ставил под стул, потом брал в лодку. Сказал Стасу: «Расчёт с собой, но сначала пройдем».

— Сумму называли?

— Три миллиона четыреста. Стас такую цену говорил. Но пересчитывать при мне никто ничего не пересчитывал.

Они вышли втроем. Рубежов остался на площадке. Сергей сидел у мотора, прислушивался, проверял, как тот работает под нагрузкой. Трушин несколько раз просил разогнаться, потом, наоборот, сбросить ход. Его раздражало, что Сергей не обещает ещё пять лет без ремонта. Иволгин смеялся и говорил: «Ты ему за гарантию бессмертия отдельно заплати».

На обратном пути Алексей замолчал. Он смотрел на воду и держал ремень сумки вокруг запястья. Тогда Сергей решил, что тот торгуется сам с собой. Теперь не знал.

К берегу вернулись около пяти. Иволгин должен был привезти документы, оставленные в Ярославле; Алексей отказался рассчитывать до того, как увидит всё в оригинале. Стас раздражённо позвонил кому-то, пообещал вернуться вечером и предложил Сергею ехать с ним. Трушин сказал, что у него ещё есть вопросы к мастеру, а потом он сам его подвезёт. Сергей остался.

— Это было его предложение? — уточнил Лавров.

— Да.

— Почему согласились?

— Я думал, ещё о моторе.

— А оказалось?

Сергей опустил взгляд на стол.

Алексей дождался, когда машина Иволгина исчезла за воротами, и вытащил из сумки копию ведомости. Не стал ходить вокруг, не говорил, что поймал мошенника. Просто положил лист на крышку инструментального ящика и прижал двумя пальцами.

«Это Глеб делал?»

Сергей ответил, что они вместе.

«Я у него утром спросил, какие детали остались после переборки. Хотел Стасу показать, что всё действительно меняли. Он сказал, переборки не было».

Сергей ещё попытался объяснить разницу между разговорным названием ремонта и формулировкой в ведомости. Алексей слушал, глядя прямо ему в лицо. Когда Сергей кончил, он ткнул пальцем в конкретную строку.

«Вот это было?»

Сергей сказал, что нет.

«А это?»

Второй раз отвечать было легче. Потом Алексей спросил, сколько Сергей взял за то, чего не делал, и стало хуже.

— Вы поссорились? — спросил Лавров.

— Да.

— Кто слышал?

— Павел мог. Он на площадке ещё был. Я не знаю, где именно.

— Что вы говорили Трушину?

Сергей назвал слова. Сначала обычные: «Не твоё дело», «Ты мне не начальник». Потом те, за которые теперь цеплялся язык: «Будешь всем трепать — сам пожалеешь».

Лавров не изменился в лице.

— Что вы имели в виду?

— Ничего. Хотел, чтобы замолчал.

— Но слова произнесли?

— Произнёс.

Артём Денисович попросил сделать перерыв. Вышли в коридор; Сергей выпил воды у кулера, медленно, не запрокидывая голову. Адвокат спросил, хочет ли он продолжать сейчас, и напомнил, что догадки не нужно выдавать за увиденное. Сергей сказал, что понимает.

— Я его не трогал, — добавил он.

— Это вы и говорите. А не то, что, по-вашему, мог услышать человек за стеной.

Вернувшись, Сергей рассказал, что после ссоры они не разошлись. Алексей предложил написать отдельную бумагу: какие работы сделаны, какие не сделаны и сколько нужно вернуть Иволгину. Сам он не собирался брать сто сорок тысяч. Говорил, что отвечает перед Валерией за покупку и не будет продавать ей чужую ложь вместе с лодкой.

Сергей согласился. Он ещё надеялся убедить Трушина дать срок, не показывать бумагу до понедельника. Иволгин всё не возвращался. По телефону говорил то о пробке, то о человеке, у которого лежат документы. Алексей предлагал закончить завтра, но Стас просил подождать: «Сейчас решу, не уезжайте».

Около восьми они ели принесённые Алексеем пирожки, сидя в маленьком помещении у причала. Там был стол с клеёнкой, электрический чайник, шкаф с обрывками верёвок и дешёвыми чашками. Ключ от двери висел на гвозде у входа, и им пользовался любой, кому хозяин площадки разрешал оставлять вещи. Рубежов заходил за водой. Сергей помнил, что тот без спроса взял последнюю чистую чашку и спросил Алексея, долго ли ещё будут сторожить его деньги.

— Так и сказал? — спросил Лавров.

— «Сторожить деньги». Да.

— Ответ?

— Алексей сказал, что Паше за перевозку уже заплатили, пусть едет. Тот засмеялся. Сказал, опору ещё грузить.

После девяти Иволгин наконец сообщил, что сегодня не приедет. Алексей ругался, но не долго. Отодвинул телефон, достал ключи от машины и сказал Сергею собираться. Тот вспомнил, что оставил на лодке переходник и небольшой прибор. Инструментальный ящик уже стоял у стола. Сергей пошёл за остальным, а Алексей остался складывать бумаги.

За окном давно стемнело. Свет над входом в помещение работал, а вдоль прохода к понтону горели не все лампы. Сергей знал эту дорожку и не включил фонарь на телефоне. Справа была вода, слева — стенка низкого сарая, где держали весла и канистры. Под ногами доски слегка пружинили.

Он услышал, что за ним открылась дверь. Подумал, Алексей идёт следом. Обернулся не сразу.

Человек оказался совсем близко. Сергей увидел тёмный ворот, подбородок, руку, которая потянулась к его груди. Потом его ударило спиной о стену. Он ещё не понял, бьют ли его или пытаются схватить. Спросил: «Ты чего?» — и получил удар в бок. То ли кулаком, то ли чем-то твёрдым; в памяти осталась только боль.

Сергей дёрнулся вдоль стены, задел скулой выступающий крепёж и упёрся ногой в край настила. Человек навалился снова. За его плечом виднелся освещённый дверной проём. Оттуда крикнули: «Эй!»

— Кто крикнул? — спросил Лавров.

— Думаю, Алексей. Но я лица не видел.

— Нападавший что-то говорил?

— Один раз. «Тихо».

— Голос узнали?

— Нет.

— Что-нибудь в голосе запомнилось?

— Нет. Одно слово было. Если сейчас начну думать, на всех будет похож.

Лавров записал его ответ.

Сергей оттолкнулся от стены и шагнул туда, где кончались доски. Не рассчитал, не выбрал способ спастись; увидел свободное место и рванулся в него. Вода ударила по лицу. Он

ушёл с головой, потерял верх, на секунду почувствовал под ладонью гладкое днище или край понтона и испугался, что не вынырнет.

Когда вынырнул, свет был сбоку. Он держался за металлический край, не мог подтянуться: справа под рёбрами резало. Сверху раздался глухой удар, потом быстрые шаги. Сергей отпустил край и стал грести от света, одной рукой сильнее другой. Ботинки тянули вниз. Он пробовал сбросить один, но не смог, только нахлебался воды.

Он не переплывал Волгу. Даже теперь, говоря об этом, Сергей хотел уточнить именно это: в его рассказе не должно было появиться подвига. Он выбрался на тот же берег ниже настила, там, где под ивами был пологий грязный спуск. До него оказалось гораздо ближе, чем казалось из воды. Коленями вдавился в ил, схватился за корень, вылез на живот. Лежал, кашляя, пока смог встать.

С площадки донёсся звук мотора. Автомобильного или лодочного — он не разобрал. Ни крика, ни выстрела, ничего, что позволило бы потом точно назвать случившееся. Только двигатель, потом тишина.

— Почему не вернулись? — спросил Лавров.

Сергей молчал.

— Алексей оставался там. Вы его видели перед нападением.

— Боялся.

— За него не боялись?

— Боялся. И за него. Но за себя больше.

Он сказал это громче, чем собирался. Лавров поднял глаза, потом продолжил писать.

Телефона в кармане не было. Сергей проверил два раза: молния разошлась ещё в воде или когда он лез через кусты. Ключи от дома остались в заднем кармане джинсов, бумажник — в свитере. Он нашёл их уже у Геннадия.

До дома Серова он дошёл пешком. Дорогу знал: пару лет назад помогал тому разгружать доски, потом приезжал чинить насос. Через воду идти не требовалось, дом был на этом же берегу, на окраине Тутаева. Сергей сперва шёл вдоль зарослей, потом выбрался на обычную улицу. Навстречу проехали две машины. Он не остановил ни одну.

Геннадий открыл не сразу. Из-за калитки спросил, кто там, и, услышав голос, велел не дурить. Потом включил свет, увидел мокрую одежду и бросился за ключом.

— Во сколько это было? — спросил Лавров.

— После десяти. Точно не знаю. У него на кухне часы были, но я не посмотрел.

— Что ему сказали?

— Что на меня напали у лодок. Я прыгнул в воду. Что там Алексей остался.

— Назвали кого-нибудь?

— Стаса. Павла. Но не как нападавших. Кто был днём.

Геннадий сорвал с него мокрый свитер, помог снять ботинки, принёс полотенца и сухое бельё. Сергей дрожал так, что не мог застегнуть пуговицы на старой домашней рубашке. Геннадий сам застегнул, усадил его к обогревателю, дал тёплой воды. Вызвать скорую предложил сразу.

«Не надо», — сказал Сергей.

«Тебя били. Ты еле стоишь».

«Сейчас пройдёт».

«А туда позвонить? Там человек остался».

Сергей попросил десять минут. Потом ещё немного. Говорил, что не знает, кто там, что могли следить за дорогой, что сначала надо понять. Геннадий слушал плохо: уходил к телефону, возвращался, опять ругался. Сергей обещал, что позвонит сам, только согреется.

— Позвонили?

— Нет.

- В ту ночь спали?
- Под утро.
- Утром телефон дали?
- Он всё время рядом лежал.

Лавров перестал печатать.

- Тогда объясните, что происходило с субботы до вторника.

Сергей уже рассказывал это адвокату. Теперь слова снова казались негодными, как неправильно подобранный инструмент: берёшь, а им ничего не захватить.

В субботу утром ему было стыдно звонить потому, что не позвонил ночью. Он придумал, что сперва узнает через Геннадия, что случилось на площадке. Тот никого из лодочного круга близко не знал. Позвонил одному знакомому, услышал, что Иволгин уехал ещё вечером и катер стоит на месте. Про Алексея сведений не было.

Это Сергей превратил в хорошую новость. Если о происшествии никто не говорит, значит, Алексей тоже уехал. Если лодка на месте, возможно, всё было обычной дракой, чужой ошибкой, местью за долг. Он мог вернуться и объяснить Ирине, что лежал в больнице, но больница потребует названия и документов. Придумать правду он не мог, а сообщить настоящую боялся.

- Чего именно боялись дома? — спросил Лавров.

— Вопросов.

— О нападении?

— О деньгах. О том, почему я оказался там ночью. И почему у меня всё нормально на словах, а потом люди требуют вернуть.

Он хотел добавить, что боялся и самого нападавшего, что этот страх не был выдуман. Но Лавров уже записал про нападение. Можно было не использовать его ещё раз.

В воскресенье Сергей слышал, как Геннадий разговаривает с кем-то у ворот. Тот сказал, что в реке нашли мужчину. Сергей лежал в комнате и не вышел. Решил, что не должен сразу связывать всё с пятницей. Волга большая. Люди тонут. Он повторял это, пока не уснул.

В понедельник Геннадий потребовал уехать или хотя бы сообщить жене, что жив. Сергей сказал, что завтра. Вечером — снова завтра. Геннадий ответил, что сам наберёт, и начал искать номер через старые контакты. Сергей пообещал выйти утром к дороге и уехать домой. Утром не вышел: боль снова усилилась, он сослался на неё и на то, что ему трудно сидеть в машине.

- Но к врачу не поехали, — сказал Лавров.

— Нет.

— Серов знал, что вас разыскивают?

— Во вторник уже точно знал. Раньше я говорил, что жена думает, будто я на работе за городом. Что я предупредил до поездки.

- Это было правдой?

— Нет.

Сергей почувствовал, как Артём Денисович чуть повернулся рядом. Он не вмешался.

Во вторник вечером Геннадию переслали сообщение о смерти Аверина. Он принёс телефон прямо к дивану. Не спрашивал, что это означает. Сказал: «Вставай».

Сергей встал. Вышел на крыльцо, согнулся от боли. Геннадий уже держал ключи от машины, увидел его и снова потребовал ехать в больницу. Сергей сказал, что боль такая же, как вчера, только резко повернулся. Потом сел на ступеньку и долго не поднимался.

- Почему уехали только утром?

— Я попросил.

— Причина?

— Сказал, ночью ей будет страшнее. Лучше утром.

Лавров посмотрел на него.

— Серов согласился?

— Сказал, что я подлец. Но не выгнал.

После этого в кабинете стало слышно, как за стеной кто-то двигает стул. Сергей смотрел на свой лист с фамилиями. Иволгин, Трушин, Рубежов, Серов. Все четверо теперь находились в его рассказе, и только один больше не мог сказать, где Сергей соврал.

— Сейчас вам кто-либо угрожает? — спросил Лавров.

— Мне лично — нет.

— С людьми с площадки после пятницы связывались?

— Нет. Сегодня только Глебу звонил. Работнику.

— Что он сказал?

Сергей передал разговор полностью. Потом сам спросил:

— Это точно Алексей?

— Вы назвали фамилию. Мы проверяем.

— Он был в моей куртке.

— Куртка не устанавливает личность.

— Я понимаю.

— Сейчас важно, чтобы вы отделили то, что видели, от того, что решили потом. Свою куртку на нём вы видели в пятницу. Найденного человека не видели.

Сергей кивнул. Ему захотелось сказать, что куртку отдал ещё живому, что тогда она была просто курткой. Но это следователь уже знал.

Когда Лавров распечатал протокол, Сергей читал медленно. Адвокат сидел рядом, иногда показывал пальцем место, где следовало уточнить. В одном предложении получилось, что Сергей опознал голос Алексея в темноте. Он попросил исправить: предполагал, не опознал. В другом стояло, что после нападения «скрылся». Сергей долго смотрел на это слово и оставил. Он действительно скрылся, только не так, как оно теперь звучало.

В коридор вышел ближе к вечеру. Ирина сидела у окна вместе с адвокатом, который поднялся при его появлении. Её телефона в руках не было. Она сказала, что аппарат пока останется для работы с перепиской и файлами; ей выдали бумагу, всё записали. Ольга привезёт запасной.

— Ты сказал про Геннадия? — спросила жена.

— Да.

— Про все дни?

— Про все.

— И про воскресенье?

Он понял не сразу.

— Лавров спрашивал, говорил ли ты мне сегодня о найденном теле. О том, что услышал ещё там, у Геннадия.

Сергей увидел, что она уже знает: слышал про найденного мужчину и остался лежать.

— Да.

Ирина встала. Адвокат попрощался, условился созвониться на следующий день и ушёл вниз по лестнице.

Сергей подошёл к жене.

— Поехали домой.

Она не двигалась.

— Я думала, ты каждую минуту пытаешься выбраться, — сказала она. — В понедельник. Во вторник. Что тебе страшно, больно, но ты ищешь, как вернуться. Я всё время представляла, что ты ищешь.

Он опустил голову.

— А ты ждал, когда я перестану спрашивать, — сказала Ирина.

Сергей хотел возразить. Не для того, чтобы оправдаться: не каждую минуту было так. Он действительно боялся, просыпался от звука чужой машины, слушал ворота. Но жена говорила о другой части этих суток, и эту часть он только что подписал.

— Я не знал, как прийти, — сказал он.

— Ногами, Серёжа.

Она пошла к лестнице. Он последовал за ней, держась за перила. На первом пролёте пришлось остановиться: от наклона потянуло бок. Ирина обернулась, подождала, пока он спустится, и лишь тогда открыла тяжёлую наружную дверь.

Глава 4. Человек без фамилии

Дома пахло жареной картошкой. Ольга открыла им, отступила в сторону и сразу посмотрела на Сергея — не на лицо, на руки. Видимо, ждала увидеть что-нибудь, что объяснит ей, можно ли уже успокоиться.

— Отпустили? — спросила она.

— Меня не задерживали.

— Я не про это. Вообще.

Он не знал, что ответить. Ирина прошла мимо сестры на кухню, налила воды и выпила стоя. Ольга проводила её взглядом, потом взяла у Сергея медицинские бумаги.

— Ребро, значит.

— Одно.

— Хорошо, что ты считаешь. Лекарство купил?

Он показал пакет из аптеки. Ирина не посмотрела. По дороге она вышла из такси у аптеки вместе с ним, но осталась ждать снаружи; Сергей сам вспомнил про назначение, отстоял очередь и заплатил своей картой, которую утром взял из бумажника. Вещи, высохшие у Геннадия, пока оставались дома: сотрудники попросили ничего с ними не делать. Карта сработала. Это почему-то удивило: весь день он ждал, что обычная жизнь перестанет узнавать его раньше людей.

На столе были три тарелки. Ольга передвинула одну к нему, поставила сковороду на деревянную подставку.

— Ника придет утром. Билет поменяла, раньше не получилось. Я её встречу.

— Я сам, — сказал Сергей.

Ольга посмотрела на его бок.

— Ты даже картошку себе сам не положишь. Не начинай.

Ирина взяла ложку, подвинула сковороду к мужу. Он положил себе, передал ей. Ольга всё-таки села.

Ели без разговоров. Сергей вдруг понял, что голоден. С утра он успел только выпить воды, потом был чай из автомата и печенье, которое адвокат принёс из машины. Картошка оказалась пересолена. Он потянулся за хлебом и остановился: раньше сказал бы Ирине, что Ольга опять солит на всю родню. Теперь это была единственная горячая еда, которую кто-то сделал за день.

— Я пересолила, — сказала Ольга.

— Нормально.

— Не надо мне ещё про картошку врать.

Ирина коротко рассмеялась. Звук оборвался, будто она сама его не ожидала. Сергей тоже улыбнулся. Несколько секунд они сидели почти как обычно; Ольга полезла за сметаной, объясняя, что со сметаной будет терпимо. Потом Ирина подняла глаза на часы, и всё обычное закончилось.

— Восемь, — сказала она.

Сергей попросил у Ольги телефон и набрал сестру.

Нина ответила сердито:

— Я уже смотрю.

— Что смотришь?

— На часы.

Он рассказал о враче. Сестра потребовала сказать, кто его ударил. Сергей ответил, что не знает. Пришлось повторить. Потом она спросила, правда ли, что Ирина опознала кого-то другого.

— Да.

— Как же она могла?

Он посмотрел на жену. Та сидела в двух шагах и не ела.

— Ей угрожали, Нин. Мы сообщили. Всё проверяют.

— А ты где был?

Второй раз за день он рассказал сестре про Геннадия. Теперь не ограничился словами «у него». Назвал ночи, телефон, своё нежелание звонить. Нина слушала молча, и от этого Сергей начал говорить быстрее, пока не услышал себя со стороны: будто пробежал неприятный участок, надеясь, что дальше станет проще.

— Ты зачем мне сейчас это говоришь? — спросила сестра.

Он растерялся.

— Ты спросила.

— Я спросила, где ты был. А ты рассказываешь, как всех нас бросил. Чтобы я сказала, что главное — живой?

— Нет.

— Главное — живой. А остальное сам думай. Я пока не могу.

Она попрощалась и отключилась. Сергей вернул телефон Ольге.

После ужина Ирина стала разбирать записи. В блокноте ещё оставались люди, которых надо было предупредить, что прощания не будет. Кто-то уже заказал цветы, кто-то поменял смену, двоюродный брат Сергея собирался ехать из Костромы. Сергей сел рядом и предложил звонить самому.

— Звони, — сказала Ирина.

Она не поблагодарила. Прочла первый номер, дождалась, пока он наберёт, и перешла к следующему. Каждый разговор начинался одинаково, но продолжался по-разному. Кто-то смеялся от облегчения, кто-то кричал, один мужчина долго молчал, а потом сказал: «Ты мне больше так не делай». Сергей не был с ним особенно близок; они встречались на семейных праздниках и спорили о машинах. Теперь он не знал, что ответить на это право постороннего человека — требовать, чтобы его не хоронили без причины.

Ольга нашла старый телефон, который принесла из дома, вставила свою запасную сим-карту. Ирина переписала на лист новый номер и отправила его дочери с Ольгиного основного аппарата. Собственный телефон остался у следователя; без него оказалось невозможно вспомнить половину тех, кому она обещала перезвонить. Блокнот спасал лишь отчасти.

— Тебе завтра тоже покупать, — сказала она мужу. — Я не буду всё время передавать трубку.

— Куплю.

Поздним вечером приехали за вещами, в которых Сергей был на берегу. О времени предупредили звонком. Он показал пакет у тумбы, объяснил, что Геннадий только высушил одежду, стирать её не стали. Сотрудники осмотрели вещи, описали и упаковали отдельно, оформили передачу. Бумажник Сергей тоже предъявил; отдельно уточнил, что утром вынул карту. Он перечитал протокол, подписал, оставил у себя выданную копию. В прихожей освободилось место, которое весь день старались обходить.

В десять Ольга ушла. Дверь за ней закрылась с тем же тяжёлым щелчком, что утром. Сергей посмотрел на замок. Исправить его можно было за пять минут, инструмент лежал в кладовке. Он даже шагнул туда, но остановился. Сегодня это выглядело бы как попытка предъявить жене маленькую починку вместо ответа.

Он умылся, принял назначенное лекарство и зашёл в спальню. Костюм исчез. На его половине кровати лежали чистая простыня, наволочка и одеяло.

— Тебе полусидя удобнее, — сказала Ирина из дверей. — На диване подушки не падают.

Это было правдой. Врач говорил о положении, в котором меньше болит. Сергей хотел спросить, только ли поэтому, и не спросил.

— Я сам постелю.

Она кивнула и пошла в ванную.

В комнате, где стоял диван, на столе лежал бумажный конверт с фотографиями. Сергей поднял его, собираясь убрать в шкаф. Снимок выскользнул наполовину. Он снова увидел свою улыбку, теперь без ленты, и понял, что не может просто бросить её в мусор. Ника снимала их в хороший день. После прогулки они ели на ходу горячую выпечку, дочь ругалась, что он раскрошил всё на куртку, Ирина смеялась. Потом они вернулись домой и ещё час не расходились из кухни.

Он положил конверт в ящик. Рамку, которую Ольга оставила у стены, перевернул стеклом к обоям и тут же вернул как было. Не хотел, чтобы утром это движение требовало объяснений.

На диване устроился с третьей попытки. Бок болел при каждом повороте. Из ванной слышалась вода, потом скрип дверцы шкафа. Сергей позвал:

— Ир.

Она появилась в коридоре.

— Что?

— Ты будешь спать?

— Попробую.

— Если не сможешь...

Он не договорил. Предложить ей прийти к нему после всего было бы странно; предложить разбудить тоже, будто она не занималась этим все предыдущие ночи мысленно, без всякой пользы.

— Я слышу, — сказала Ирина. — Если что-то надо, скажешь.

Она закрыла дверь спальни. Сергей долго смотрел на полосу света под ней. Потом свет погас.

Утром он проснулся от тихих голосов в прихожей. Ника приехала раньше, чем он ожидал. Она стояла у матери, не снимая рюкзака, и держала её за плечи. Ольга за их спинами пыталась закрыть дверь ногой, потому что обе руки были заняты сумками.

Сергей встал. Дочь увидела его через дверной проём и на секунду перестала двигаться. Потом прошла к нему так быстро, что он не успел отступить от края ковра.

— Осторожно, у него ребро, — сказала Ольга.

Ника уже обнимала его. Он положил руки ей на спину. Она пахла поездом, шампунем и холодным утренним воздухом.

— Дай посмотреть, — сказала она.

Он отстранился. Дочь взяла его за подбородок, повернула лицо к окну.

— Красавец.

— В маму.

Она улыбнулась, но сразу опустила руки.

— Не смешно.

— Знаю.

Ника села на край дивана, рядом с несобранной постелью. Рюкзак оставила на плечах, и он мешал ей прислониться.

— Снимай, — сказал Сергей.

— Сейчас.

Она смотрела на него, не моргая. У Ники были его светлые глаза, но почти всё остальное от Ирины: тёмные волосы, узкий подбородок, манера чуть выдвигать нижнюю губу, когда пытается не расплакаться.

— Я в понедельник звонила тебе двадцать раз, — сказала она. — Потом перестала. Мне показалось, я мешаю, если ты вдруг сможешь кому-то позвонить. Что у тебя батарейка сядет.

Сергей присел рядом, осторожно, придерживая бок.

— Телефон утонул в пятницу.

— Мама сказала.

— У Геннадия был...

— Она и это сказала. Пап, мне надо поспать. Я сейчас на тебя смотрю, и всё равно кажется, что я ещё в поезде, мне снится. Потом расскажешь. Ладно?

Он закрыл рот. Дочь наконец сняла рюкзак, поставила у стены и попросила чаю.

За завтраком Ника рассказала о дороге. В купе с ней ехала женщина, которая всю ночь жаловалась на холод, но сама держала окно приоткрытым: боялась, что задохнётся. Ещё мужчина пытался зарядить ноутбук от сломанной розетки и утверждал, что вчера она работала, хотя сел в поезд час назад. Ника говорила быстро, перескакивая с одного на другое. Сергей слушал с благодарностью, пока не заметил, что дочь ни разу не спросила его о пятнице. Она берегла себя, а он принимал это за подарок ему.

Звонок Лаврова пришёл на Ольгин телефон. Сергей вчера оставил его как временный контакт. Следователь попросил приехать, сказал, что потребуется уточнить приметы Трушина и посмотреть найденного мужчину. Не обещал, что это займёт десять минут.

— Сегодня? — переспросил Сергей, хотя другого дня названо не было.

— Сегодня.

Ника услышала. Поставила чашку, попросила мать дать ей ключи от квартиры.

— Я тут останусь. Мне надо поспать. Вы поезжайте.

— Я могу одна съездить с ним, — сказала Ольга Ирине.

— Я поеду, — ответила Ирина.

Сергей никого не просил. Раньше он бы спросил жену, зачем ей снова туда, сделал бы вид, что заботится о ней. Сейчас понимал: она едет не только из-за него.

По дороге они зашли в салон связи. Сергей купил простой телефон и восстановил свой номер. Продавец долго объяснял настройку, предлагал чехол и защитное стекло. Ирина ждала возле выхода. Сергей отказался от стекла, потом передумал: нужны были ещё две минуты, в течение которых можно стоять у стойки и выбирать обычную вещь.

В учреждении их снова разделили. Сначала Лавров уточнил, сколько раз Сергей видел Трушина, какие особенности внешности помнит. Синюю куртку записали, но следователь попросил назвать и то, что останется, если её снять. Сергей говорил о коротких волосах, залысинах, форме носа; на этих словах ему впервые стало по-настоящему страшно. Каждое описание подходило многим. Он мог узнать человека у ворот, по движению головы и знакомой насмешке, а здесь всё приходилось разбирать на неподвижные части.

— На правой руке у него палец не до конца разгибался, — вспомнил он. — Средний. Он зажал бумагу, когда мне ведомость показывал. Я видел.

— Раньше замечали?

— Нет. Только тогда. Он говорил, ломал давно.

— Ещё что-нибудь?

Сергей покачал головой.

В помещении, куда его потом провели, было прохладно. Он сосредоточился на действиях людей: кто открывает дверь, кто задаёт вопрос, где ему предлагают встать. Так было проще, чем думать о том, к кому он сейчас подойдёт.

Тело не было похоже на спящего человека. Сергей сразу понял, что все слова о сне придумывают для тех, кто останется снаружи. Лицо изменилось; кожа и положение губ делали знакомые черты чужими. Он смотрел слишком долго, потом отвёл глаза на руки.

Левая лежала раскрытой. Ожога не было.

Он уже знал это от Ирины, но только теперь увидел, что значит «не было»: чистый участок кожи там, где у него самого всю взрослую жизнь находился след одной неудачно поставленной руки. Чужой человек не обязан был носить его отметину. Это казалось очевидным и почему-то мучительным.

— Вы узнаете кого-либо? — спросили его.

Сергей поднял взгляд на лицо. Ему показали правую кисть. Палец был тот самый, но он всё ещё боялся, что сейчас делает то, что проще всего сделать после слов жены: находит в теле заранее названного человека.

— Полагаю, это Алексей Трушин, — сказал он. — По лицу. И по пальцу. Но лицо изменилось. Я не могу сказать, что совсем без сомнения.

Его попросили объяснить подробнее. Он объяснил. Не стал говорить увереннее, когда вопрос повторили другими словами. Лавров записал и это.

После Сергей долго мыл руки, хотя ни к чему не прикасался. Холодная вода попадала на ожог, стекала в рукав. Он закрыл кран, вытерся бумажным полотенцем и выбросил его в урну. Полотенце зацепилось за край. Сергей поднял крышку и протолкнул внутрь, почему-то не в силах оставить даже этот маленький неоконченный поступок.

Ирина ждала в коридоре. Рядом с ней сидела девушка лет семнадцати в джинсовой куртке. На коленях держала матерчатую сумку и двумя пальцами разматывала нитку, выбившуюся из ручки. Когда Сергей вышел, обе подняли головы.

— Ну? — спросила Ирина.

Он кивнул, потом поправился:

— Похож. Я сказал, что думаю — он. Но не окончательно.

Девушка перестала тереть нитку. Ирина заметила это и положила ладонь на свободное место рядом с собой, будто хотела удержать Сергея от следующего слова.

Из другой двери вышла женщина в тёмном кардигане. Она шла прямо, не хваталась за стену, не прикрывала лицо. Девушка встала ей навстречу.

— Мам?

Женщина остановилась. Кивнула один раз.

— Сонь, иди к окну. Мне минуту надо.

— Я с тобой.

— Пожалуйста.

Девушка посмотрела на неё, потом отошла на несколько шагов. Далеко не ушла.

Женщина повернулась к Ирине.

— Это ваш?

Сергей понял, что она спрашивает о нём.

— Да, — ответила Ирина.

— Живой.

— Да.

Женщина осмотрела Сергея с такой внимательностью, будто ей требовалось самой убедиться: у этого человека работают глаза, двигаются плечи, под воротом рубашки бьётся жила. Потом перевела взгляд на его левую руку.

— А мой там, — сказала она. — Лёша.

Из комнаты вышел Лавров, попросил её пройти для оформления. Женщина подняла сумку, которую дочь оставила на стуле, но ремень перекрутился. Сергей сделал движение помочь и остановился. Она сама поправила ремень, вернула сумку на стул и сказала дочери: «Подержи пока». Потом посмотрела Сергею в лицо.

— Вы с ним были в пятницу?

— Да.

— Не уходите пока.

Он сказал, что подождёт. Женщина ушла за следователем. Соня осталась у окна, повернувшись к ним спиной. Теперь у найденного человека было не только имя, которое Сергей мог произнести с сомнением. Была дочь, которая не хотела показывать им лицо.

Глава 5. Лидия

Пока Лидия была у следователя, Ирина сходила к автомату за водой. Купила две бутылки, одну предложила Соне. Девушка взяла, сказала «спасибо» и не открыла. Положила на подоконник.

Ирина села. Сергей стоял у двери, держа руку под правым локтем, будто поддерживал её на весу. Она видела, что ему больно, но не могла сейчас снова спросить о боли. На соседнем стуле лежала чужая сумка с распускающейся ручкой; в открытом кармане торчали наушники. Ей хотелось поправить их, чтобы не выпали. Ирина убрала собственные руки в карманы куртки.

Из кабинета вышла Лидия. На этот раз она была с бумагами. Подошла к дочери, сказала, что здесь пока всё, и забрала сумку.

— Вы можете немного пройти со мной? — спросила она Авериных.

Ирина поднялась.

На улице Лидия направилась к скамье, но не села. На дереве над ней кто-то когда-то привязал ленточку; она выцвела, распушилась на концах. Соня отошла к ограде и достала телефон. Мать не стала её звать.

— Мне надо понять, как он там оказался, — сказала Лидия. — Я знаю, вы уже рассказывали. Но мне тоже надо.

Она обращалась к Сергею. Тот кивнул и начал с лодки. Ирина слушала этот рассказ во второй раз подробно. Вчера по дороге домой он пытался пересказать допрос, но она остановила на середине: больше не могла слушать его голос. Сейчас остановить было нельзя.

Лидия почти не перебивала. Лишь когда Сергей сказал про документы, спросила:

— То есть Стас их с собой вообще не привёз?

— Не привёз.

— А Лёша ему с утра звонил. При мне. Напоминал.

Сергей пожал плечами и сразу поморщился.

— Он сказал, оставил в Ярославле.

— У кого?

— Я не знаю.

Лидия кивнула, словно это тоже было сведением. Достала из кармана сложенный лист, посмотрела на него и убрала. Ирина успела увидеть номер телефона и несколько имён, написанных друг под другом.

Сергей дошёл до спора о ремонте. Здесь говорил медленнее. Назвал сумму, объяснил, чего не сделали. Лидия смотрела на него, сжав губы.

— Вы ему вернуть обещали?

— Иволгину. Алексей не себе требовал.

— Я поняла. Когда?

— Хотел договориться до понедельника.

— А бумагу написали?

— Начал. Не подписал ещё. Мы отвлекались, ждали Стаса.

— Где она?

— На столе была. Я сказал следователю.

Ирина посмотрела на мужа. Ей хотелось спросить, почему за несколько часов он так и не подписал эту бумагу. Но Лидия уже продолжала.

— Потом вы ушли за инструментом, — сказала Лидия.

— Да.

— Лёша в комнате остался?

— Да.

— И больше вы его не видели?

— Не видел.

Она ждала. Сергей рассказал о нападении, воде, звуке двигателя. Ирина видела, как он осторожно выбирает слова: не сказать «Алексей крикнул», когда не уверен; не назвать автомобилем мотор, который не рассмотрел; не передвинуть в памяти человека туда, где было бы легче его узнать. Вчера эта осторожность могла бы показаться ей честностью. Сегодня Ирина ещё не знала, сколько в ней честности, сколько страха перед новой ошибкой.

Лидия дослушала до Геннадия.

— Значит, вы дошли до дома.

— Да.

— К десяти?

— После. Я не знаю точно.

— И там был телефон.

Сергей кивнул.

Лидия посмотрела на дочь. Соня стояла к ним боком, но Ирина поняла, что она слышит. Экран телефона у неё давно погас.

— Я в десять двенадцать ему звонила, — сказала Лидия. — Это у меня в звонках есть. Потом в десять двадцать. Он написал раньше, что выезжает. В девять с чем-то. Я ждала.

Сергей поднял глаза.

— Написал, что выезжает?

— «Еду домой». Два слова. А вы говорите, Стас не приехал, и вы ещё там были.

— Мы собирались уезжать. Алексей сказал, что подвезёт меня. Это могло быть тогда.

Лидия достала телефон, открыла переписку. Ирина невольно наклонилась, но женщина показала экран только Сергею.

— Двадцать один восемнадцать, — сказала она. — Потом ничего.

— Похоже на это время, — ответил он. — Стас уже позвонил.

— «Похоже».

— Я на часы не смотрел. У меня нет точного времени.

Лидия убрала телефон. Лист с номерами выпал из кармана и лёг на асфальт. Ирина подняла его раньше, чем мать или дочь успели нагнуться. На обороте был список покупок: крупа, чай, пакеты, средство для посуды. Сверху красной ручкой написано «к понедельнику». Ирина отдала лист, повернув нужной стороной к Лидии.

— А потом он доехал до Ярославля, — сказала та.

Сергей посмотрел на неё.

— Кто сказал?

— Машину нашли у вокзала. В понедельник. Нашу машину, серую. Вы же на ней должны были ехать.

— Я не доехал до машины.

— Я слышала.

Ирина почувствовала, что муж сейчас станет возражать слишком быстро, и положила руку ему на предплечье. Он замолчал.

— Какой вокзал? — спросила она сама.

— Ярославль-Главный. На стоянке. Лёша там иногда оставлял, когда в Москву на день ездил. Платил, чтобы во дворе не мешала.

— Вам сказали, что он сам приехал?

— Мне сказали, нашли автомобиль. Остальное я сама додумала. Все что-нибудь додумывают, когда человека нет. Вы же знаете.

Ирина убрала руку с Сергея. Да, она знала.

Соня подошла к матери и взяла у неё сумку.

— Мам, сядь. Ты с утра стоишь.

— Сейчас.

— Не сейчас. Вот скамейка.

Лидия села. Соня поставила рядом воду, отвернула крышку, положила её на собственную ладонь. Мать отпила и отдала бутылку обратно. Всё это было сделано без нежности напоказ, привычно; Ирина вдруг увидела, сколько раз за последние дни девушка могла повторять эти движения.

— Меня зовут Лидия, — сказала женщина. — Я вам ещё не сказала.

— Ирина.

— Знаю. Мне сказали.

Она посмотрела на Сергея.

— А вас я по бумаге знаю. У нас копия дома лежит. С печатью.

Сергей опустил голову.

— Мне вчера позвонили, назначили на сегодня, — продолжила Лидия. — До этого всё спрашивали, куда он мог уехать. Есть ли знакомые за границей. Почему у него деньги чужие. Я спрашивала про найденного, мне сказали, личность уже предварительно установлена, но ещё проверяют. Другой мужчина. По одежде, по жене.

Ирина почувствовала, как ногти впиваются в ладони внутри карманов.

— А вчера сказали приехать. Без всяких объяснений по телефону. Я всю ночь думала: может, просто надо исключить. Чтобы потом не дёргать. Людей же много находят.

Она подняла глаза на Ирину.

— Вы ошиблись?

Ирина могла ответить одним словом. После него потребовались бы остальные, но начало было бы простым. Она несколько раз произнесла его вчера — дома, по телефону, в кабинете — и всё равно не могла сейчас раскрыть рот.

Сергей шагнул ближе.

— Ей угрожали.

— Я у неё спрашиваю.

Он остановился.

— Я знала, что это не Сергей, — сказала Ирина. — Мне прислали его запись. Сказали, он у них. Если не назову найденного мужем, убьют его. Я поверила.

Соня держала крышку между пальцами. Теперь она перестала её крутить.

— Значит, вы не ошиблись, — сказала Лидия.

— Нет.

— И там не ошиблись, где нашли. Это вы сказали.

— Да.

— А у вас муж здесь.

Лидия не договорила. Посмотрела на Сергея, потом на дочь. Соня отвернулась.

Ирина хотела объяснить, что ничего не получила, что её муж вернулся сам и она сразу позвонила. Это тоже была правда. Но в этой правде Алексей опять оказывался человеком, который некоторое время мешал другому человеку называться живым. Она не произнесла её.

Лидия поднялась.

— Мне надо домой. Там бумаги искать. Снимки его старые, по руке. Сказали, могут пригодиться. У него в травмпункте когда-то делали, я дома хранила.

— Вас отвезти? — спросил Сергей.

Ирина посмотрела на него: машины у них здесь не было. Он заметил её взгляд и добавил:

— Такси вызову.

— Я вызову, — сказала Соня.

Она уже достала телефон. Лидия не спорила.

Пока ждали машину, женщина отошла с Ириной на два шага. Сергей остался у скамьи. Это расстояние было недостаточным, чтобы он не услышал, но Лидия всё равно выбрала его, и Ирина последовала.

— Вы уверены, что он вам сейчас всё говорит?

Ирина посмотрела на мужа. Тот стоял боком, не пытаясь приблизиться.

— Нет, — сказала она.

Лидия кивнула.

— Мне всё время хотелось, чтобы кто-нибудь сказал, что Лёша просто врёт. Что у него женщина, что он проиграл, пропил, что угодно. Я бы хоть знала, на кого сердиться. А теперь у всех он будет хороший. Потому что умер. И спрашивать про деньги останутся с меня.

— Кто спрашивает?

— Валерия. Хозяйка денег. Пока осторожно. Через каждое «я понимаю».

Лидия достала из сумки связку ключей, переложила в карман. Руки у неё начали дрожать только сейчас.

— Вы ей ничего не обещайте, — сказала Ирина.

— Я ничего не обещаю. Я вообще не знаю, что он ей обещал. Он дома говорил: помогу купить лодку, заработаю комиссию. Двадцать тысяч. За это всё.

К ограде подъехало такси. Соня открыла дверь, поставила сумку на сиденье и позвала мать. Лидия пошла к машине, потом вернулась.

— Дайте ваш новый номер.

Ирина назвала. Лидия записала на обороте листка, под средством для посуды.

— Если ещё что-нибудь узнаете, — сказала она. — О нём. Не о себе.

Ирина кивнула.

Когда такси уехало, Сергей долго смотрел вслед.

— Машина у вокзала, — сказал он.

— Я слышала.

— Значит, он мог выехать. После меня. Может, там вообще...

Ирина повернулась к нему. Сергей замолчал на том же слове, на котором обрывал объяснения дома: «может». Она видела, как ему хочется отделить тело в морге от тёмного прохода у воды. Тогда он ушёл бы не от чужой смерти, а от обычной драки, после которой каждый разошёлся по своим делам.

— Может, — сказала она. — Только за рулём мог быть кто угодно.

Он кивнул.

— Я скажу Лаврову. Про сообщение в девять восемнадцать.

— Лидия уже сказала.

— Но она не знает, что мы тогда собирались уезжать.

Ирина подумала, что здесь он прав. Это тоже приходилось признавать: человек мог полдня искать себе оправдание и всё же в следующую минуту заметить нужную подробность.

Они вернулись внутрь. Лавров был занят; Сергей оставил ему короткое уточнение через сотрудника и дождался, пока тот подтвердит, что передал. Ирина сидела в конце коридора. На новом телефоне было всего четыре контакта: дочь, Ольга, муж, адвокат. Она добавила пятый — Лидия Трушина. Номер перед отъездом продиктовала Соня; Ирина успела записать его на краю аптечного чека.

В этот момент позвонила Ника.

— Мам, вы скоро?

— Ещё не знаю.

— Я проснулась. У вас тут на двери бумажка.

Ирина выпрямилась.

— Какая бумажка?

— От соседей. Они написали соболезнования. Я утром не увидела, она сбоку приклеена. Можно снять?

— Конечно. Сними.

— А выбросить?

Ирина посмотрела на закрытую дверь кабинета.

— Выброси.

Дочь помолчала.

— Там деньги в конверте. Пять тысяч.

Ирина прижала пальцы к виску.

— Не выбрасывай. Я приду, верну.

— Мам, я могу сама.

— Не надо. Я сама.

Она отключилась. День всё ещё выдавал им вещи, предназначенные для смерти Сергея. Каждый конверт, каждое чужое доброе действие теперь требовало отдельного разговора. Ирина подумала о Лидии, которой предстояло начинать то же самое сначала, но уже без возможности отменить.

Сергей вышел, подошёл к ней.

— Завтра хотят съездить на площадку. Со мной. Я показания на месте уточню.

— Поезжай.

— Ты не обязана...

— Я знаю.

Он сел рядом. Ирина заметила, что на новом телефоне он уже настроил крупные цифры, как на старом.

— Ты можешь сейчас отвезти меня в салон? — спросила она.

Сергей машинально полез за ключами, вспомнил про фургон у мастерской и остановился.

— На такси. Конечно.

— Я сама вызову. Поедем вместе, потом ты дальше. Мне надо посмотреть, что там. И позвонить людям.

— Ты сегодня работать будешь?

— Не знаю ещё.

Она действительно не знала. Хотелось открыть дверь, включить свет, увидеть в зеркалах помещение, где последние двадцать лет у неё получалось делать то, что она обещала. Не решить ничего большого. Проверить, остались ли на месте расчёски, которые она вымыла в пятницу перед уходом.

На улице Сергей придержал ей дверь машины и сел с другой стороны. Водитель спросил адрес. Ирина назвала салон, потом попросила сделать две остановки.

— Вторая куда? — спросил водитель.

Сергей назвал улицу, где была мастерская. Ирина впервые за эти дни почувствовала облегчение от того, что они едут по двум разным делам.

Глава 6. Оплаченный ремонт

Глеб встретил его с бутылкой обезжиривателя в одной руке и грязной салфеткой в другой. Постоял у открытых ворот, потом поставил бутылку на пол, вытер ладонь о рабочие брюки и протянул Сергею.

Они пожали руки. Глеб потянул его к себе, будто хотел обнять, но заметил, как тот бережёт бок, и отпустил.

— Ну вы даёте, Сергей Викторович.

— Даю.

— Я вам во вторник звонил. Зачем — сам не знаю. Мне уже сказали, а я всё равно набрал. Дурак.

— Не ты дурак.

Глеб отвернулся и поднял бутылку. В мастерской пахло резиной, металлом, старой водой из сливного поддона. Сергей остановился на пороге. На его верстаке стоял мотор, который должен был уйти заказчику ещё в понедельник. На стене висел лист с расписанием; три его пометки были перечёркнуты и подписаны Глебом заново. Ящик с личным инструментом остался закрытым.

— Я ваш не трогал, — сказал Глеб.

— Надо было — трогал бы.

— Мне не надо было. Своего хватает.

Он произнёс это без обиды, но Сергей услышал то, чего прежде не замечал: у работника давно были свои ключи, свой набор, свои способы. Мастерская не встала из-за отсутствия хозяина. Встали решения, деньги и обещания, которые никто другой не имел права давать.

— Что срочное?

Глеб посмотрел на него с сомнением.

— Вы работать пришли?

— Посмотреть.

— Тогда сядьте. Только не туда, там деталь.

Сергей остановился над стулом, снял с сиденья небольшую алюминиевую крышку, положил на чистую тряпку. Глеб хотел помочь, но хозяин уже сел.

— Морозов забрал во вторник. Я ему сам позвонил, показал, что сделали. Оплатил. Деньги на счёте. Этот ждёт до завтра. Там просто расходники, всё готово, только вам надо сказать, какую сумму. Вон тот не трогаем, он опять хочет сначала поговорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.